

Семён Злотников
**УХОДИЛ
СТАРИК
ОТ СТАРУХИ**

Действуют:
**Вера Максимовна
Порогин**

Часть первая

В большой комнате, со вкусом обставленной старинной мебелью, в глубоком кресле сидит старик. Порогин. Заметно, глубоко задумался. В одной руке очки, в другой письмо. На полу распахнутый чемодан. На стенах бронзовые бра. Чудесно светится аквариум с золотыми рыбками.

Появляется старуха, Вера, с теплым бельем в руках.

Вера. Бог с тобой, Митя, жизнь прошла!.. *(Опускается на колени возле чемодана, укладывает белье; вдруг задумывается.)* И что это на меня с утра, как напало: прошла жизнь, прошла. И именно такими, представь, словами: прошла, прошла... И сначала, знаешь, обидно сделалось, чуть не до слез жалко. А потом подумала, повспоминала, погрустила и... вроде, как отпустило. *(Смотрит на мужа.)* А тебе, Митя, как? Все забываю спросить: тебе не жалко?..

Старик как сидел – так сидит: в себя погруженным. Вздохнув, она встает.
Подходит к аквариуму.

Рыбочки мои золотые... золотые... Все было хорошо... хорошо... О чем же жалеть? *(Уходит.)*

Старик недвижим. Как зацепенел. Она возвращается, озирается, трет виски, по-видимому, что-то припоминает.

Господи, они на тебе, а я ищу их по всей квартире. *(Тяжело опускается на колени, снимает с него домашние туфли; задумывается, поглаживает его ноги.)* Иногда думаю: кто бы мог подумать, Митя, что мы так долго проживем. Мы с тобой. Ты и я. Как странно... Если бы тогда, давно, мне бы кто-нибудь сказал, что все будет так долго... Да нет, Митя, вообще-то все было, как у людей. Так и надо, верно, чтобы было. Разумно. *(Хочет подняться, однако морщится; махнув рукой, на коленях переползает к чемодану, укладывает туфли.)* Странная, Митя, штука этот возраст: все почти то же самое, только почему-то ноги плохо слушаются... *(Все же поднимается.)* Почти... почти... *(Уходит.)*

Порогин по-прежнему недвижим.

(Вскоре возвращается.) Электрическую я положила, а еще, подумала, безопасную. *(Опять опускается на колени возле чемодана.)* Слышишь, Митя? На всякий пожарный. Мало ли чего там, в деревне, света не станет... Ветер задует... Гром упадет... Бывает... Света нет, а ты брейся, Митя, не ленись. Не дай Бог, вдруг кто неожиданно... До сих пор вздрагиваю, как вспоминаю, как к тебе туда ваш ректор с иностранным корреспондентом приехали, а ты их в белье своем встретил, в исподнем. *(Перекладывает вещи.)* Уже я наслушалась: уж и такой и профессор, и литературовед, и величина, а все одинешенек на даче, позабытый, позаброшенный, неухоженный, щетиной поросший... Да, Митя. Кто нас не знает, так и говорит: денег у них куры не клюют, а как мучается. Жена у него, говорят, жадная, наверно. Все равно ей, что он там ест, на чем спит... Ох, Митя, Митя... Ну кому ты объяснишь: как ты за работу садишься – так меня до себя не допускаешь. Диким делаешься... отшельником. *(Задумывается, достает из кармана зубную пасту.)* Митя... «Поморина» твоего, весь Невский обошла, нигде... Вот, «Мэри» купила. Два тюбика. Подумала, может, больше... А хватит тебе на месяц?.. Ну, не хватит, с кем-нибудь подошлю. Вообще-то, Митя, не жалей ты ее, намазывай пожирнее. Мне один зубодер объяснял, зубам лучше, когда пожирнее. Уж эти-то, Митя, побереги. Уж эти-то, по-моему, нехудо получились? Как чувствуешь?..

Он молчит.

(Достает из кармана лекарство.) Вот только прошу, Митя, как человека: не скармливай ты птицам валидол. Не болит у них сердце, им лишь бы клевать. Такие твари... А самому там, не дай Бог, в глуши понадобится, и будешь... Сердце, Митя, сердце... о сердце помни. *(Тяжело встает, уходит.)*

Порогин подносит письмо близко к глазам, щурится, разглядывает. Складывает, прячет в карман. Появляется Вера Максимовна: в руках банка с растворимым кофе, кастрюлька, термос; опять на коленях возле чемодана.

Кофе, Митя... твой любимый... из Турции... Вот только не злоупотребляй: чашечку – и довольно. Ни к чему, Митя, риск этот. В нашем возрасте – хочешь не хочешь – все надо делать в хорошую меру. И вообще... вообще, Митя, я думаю... Надо бы пожить еще, а? Сколько получится. Что-то... не готова... Вроде бы, и пора, вроде бы... а чего-то охота еще, Митя. Сколько получится. *(Закрывает чемодан, запирает; стоя же на коленях, пытается оторвать от пола, удаётся с трудом.)* А-а, ничего... ничего, можно... Забыла спросить, Митя: когда такси заказывал, сказал, чтобы этот таксист к нам поднялся?..

Порогин молчит.

Забыл?

Он молчит.

К слову, самой не забыть бы. *(Достает деньги и дальнозорко разглядывает.)* Слава Богу, мелкие нашла. Хорошо-то как... *(Прячет деньги.)* А то, помню, в прошлый раз я молодцу по слепоте чуть не миллион сунула. Вот, наверно, дурень подумал: ненормальная бабка, деньгами сорит...

Порогин поднимает глаза, внимательно разглядывает жену.

(Замечает этот взгляд и даже как бы слегка смущается.) Что, Митя?.. Что-нибудь не так у меня? Заколка?.. Это я новые купила, старые не держали. *(Подкалывает волосы, снова встречается с пристальным взглядом супруга.)* Еще чего-то?.. Ну, чего, Митя?..

Порогин. Что ты думаешь о прошлом?

Вера. О каком прошлом?.. О чьем?..

Порогин. Ты долго жила.

Вера. А?.. *(Ждет, что он скажет еще что-то, но он молчит.)* Что, Митя?.. Что хочешь услышать?

Порогин. Ты что-нибудь поняла?

Вера. Поняла?.. Я поняла?..

Он очень внимательно следит за нею.

А чего я должна была понять, Митя?.. Я много чего поняла, не пойму, чего ты хочешь?

Порогин. Не помнишь: наше прошлое – преисподняя наша.

Вера. О Господи, да кто это? Типун ему за такие слова. Чего это ты вспомнил вдруг?

Порогин. Не так?

Вера. Я такие слова, Митя, вообще не признаю. Ты же знаешь, чего

спрашиваешь? Чтобы огорчить меня?

Он молчит.

Прошрое, настоящее. *(С усилием встает.)* Все вроде поняла... А вроде – ничего... *(Поднимает чемодан, перетаскивает поближе к мужу.)* Чего не поняла – того уже не пойму... Ох, силы небесные, попробуй, Митя, не тяжелый для тебя?.. Ну, не ленись, Митя, а то потом меня близко не будет, ну?

Такое, однако, впечатление: Порогин вновь погрузился в свою глубочайшую задумчивость... Впрочем, по-видимому, в этом таком способе общения супругов – многолетняя привычка.

(Еще приподнимает чемодан, со вздохом опускает; садится на него, обнимает мужнины колени.) Вообще-то, Митя, я вот чего поняла: жизнь, Митя, – это очень простая штука. Под конец особенно. Правда. Это сначала все кажется сложно, сложно... А потом, Митя... потом проще, проще. Мне уже, например, совсем просто: обещаниям не верю, надежд не имею, живу совсем сегодняшним днем. Что Бог пошлет – за то спасибо. А не пошлет... тоже ничего. И ладно. И мне не надо. И так хорошо. И хорошо... *(Задумывается.)*

Молчат.

Порогин. Не вспомню...

Вера. А?.. *(Поднимает глаза, удивленно на него смотрит.)* Что-то сказал?..

Порогин. ... И жуток ад воспоминаний, и страшен забытия покой... Кто это?

Вера. Да Тютчев твой.

Порогин. Где у Тютчева? У Тютчева нет.

Вера. Ну, значит, не у Тютчева. У кого-то другого.

Порогин. У кого?

Вера. Какая разница, Митя? Что это тебя вдруг разобрало?

Порогин. «Ад воспоминаний...» Кто бы это мог быть?

Она его целует в лоб.

Ты когда-нибудь была в аду?

Вера. Ой, Митя, да Бог с тобой, спаси тебя Бог. *(Даже отодвигается, рукой держится за сердце.)* Аж жутко. Накликаешь, Митя, разве можно? Одна уже дочертыхалась. В прошлом месяце. С соседней улицы, между прочим. Пожилая. Тоже, про нее говорят, интеллигентная... Двери у лифта, видите ли, плохо захлопывались. Ну и что, Митя? А она ими хлопала, хлопала, потом в сердцах – знаешь, бывает – выкричалась: «У, чертов лифт, да чтоб ты провалился!» Ну он, Митя, и... А как ты думаешь? Месяц уже ни лифта, ни ее саму найти не могут.

Порогин. Довольно лгать.

Вера. Да было, было, Митя. Я лично верю, я лично...

Порогин. А я говорю, довольно. *(Встает, взволнованно перемещается по комнате.)* Лгать довольно!

Вера. А почему?.. Митя, что с тобой? Совсем не веришь? Ну, Митя, не сама же я придумала. Полина Михайловна рассказала. Ты знаешь Полину Михайловну, она зря не станет. Предлагала дом показать, даже подъезд. И даже яму эту. Только я отказалась. Ты же меня знаешь: слушать о таких вещах страшно, а глядеть... Ох, лучше не жить. Нет, Митя, нет...

Порогин. Что это? *(Протягивает письмо.)*

Вера. А?.. А что это?..

Порогин. Ты прочти, тут написано, прочти. *(Роняет письмо, взволнованно ходит.)*

Вера. Ох, силы небесные... *(Поднимает письмо.)* Да чего же такое тут?.. *(Разглядывает, шурится.)* Митя, дай очки, будь добрым...

Он дает ей свои очки.

Митя, ты же знаешь, я вижу дальше... Ну, что ты мне дал, Митя? Где мои? Митя, мои... Господи, откуда ты это достал?

Порогин *(выхватывает у нее из рук письмо и без очков читает).* «К сожалению, очень тороплюсь и много слов сказать не успею. Но успею зато самое главное, одно: люблю. Люблю, люблю, люблю!..»

Вера. Митя, да, Господи, да это же...

Порогин. «...И еще раз не обрывайте, сказать и повторить дайте: люблю!»

Вера. Да это же, Митя, да это же... Митя, ты побелел, и у тебя глаза сердитого селовека.

Порогин. Вера, ответь, у нас это было... Что это было?.. Как у других??

Вера. У кого других было? Что, Митя?..

Порогин. Нет, ты мне скажи, потому что... я ничего понять не могу. Может быть, у меня что-то в ум не укладывается, может быть, у меня что-то... что-то...

Меж тем она пытается встать с чемодана – не получается...

Вера. Ноги не слушаются, Митя... помоги мне... Ах, ну, помоги же, подняться бы...

Он же мечется взад-вперед и словно не слышит. А может, и не слышит...

Дашь ты мне руку в конце-то?.. Руку, Митя?..

Порогин *(руки не подает, но спрашивает резко).* Да кто он? Этот пошляк, этот... Кто?

Вера *(наконец, с чемодана перебирается на стул).* Господи, какая тяжесть...

Порогин. Я прошу назвать! Ты не думай, мне это надо... Мне надо знать! Я имею право знать! Я требую! Иначе... иначе... *(Без сил, вдруг, с остановившимся лицом оседает на стул.)*

Вера. Митя... Митя... Да Митя же, что же ты... *(С лекарством торопится к нему.)* На-на-на, Митя... Ну, Митя же, прими...

Порогин *(шепотом)*. Не прикасайся ко мне, ты не чиста...

Вера. Хорошо, ладно, потом, под язык, головой не верти... Митя, не упрямься, помрешь, что я с тобой потом делать буду?.. *(Буквально запихивает ему в рот таблетку.)*

Старик полулежит, откинувшись на спинку стула, закрыв глаза. Старуха возле; сама дышит тяжело, сама принимает лекарство; наконец, устало отходит, опускается в кресло, считает пульс.

Ох, один, два, три... Боже мой-Боже мой... одиннадцать, двенадцать... Ох, зелень в глазах... и давление давит... ох, как же оно давит... Двадцать четыре, двадцать пять... Где ты его раскопал?

Порогин. В чемодане.

Вера. О, Господи, зачем ты в него полез? В рыжем, что ли? В рыжем, Митя.

Он молчит.

Ну, вот... вот... жить кончаем – полез... С войны я о нем помнить забыла. Чего тебе в нем понадобилось?

Порогин. Носки.

Вера. Какие носки? Митя, ты в памяти? Все носки в комодке. В ящике. В среднем. Всегда там были. Миллион раз твердила. И как только в ум тебе этот рыжий влез – не понимаю...

Порогин. Я не знал...

Вера. Да как же не знал? У меня всякая вещь свое место знает, а ты не знал! Не гляди так на меня, справедливо говорю. Никакой хоть на нитку ответственности. Правда, Митя! Всю жизнь как за ребенком – он в благодарность за носками в рыжий чемодан лезет, где их никогда не бывало! *(Возмущена и возбуждена, поэтому принимает еще таблетку.)*

Молчат.

Порогин. Я не знал, что в нашей жизни будет еще и это.

Вера. Это?.. Это – что?.. Что сказать хочешь?

Порогин. Пошлость нас не миновала.

Вера. Между нами ничего не было, Митя! Как про Толстого ты в книжке написал...

Порогин. Не трогай Толстого, не надо ложь!

Вера. Поклянусь, чем хочешь!

Порогин. Все ложь и предательство, ни единому слову!

Вера. Да нет же, Митя, ты, право... Какой, какой... Одной-то ногой уже – где я? Ну, для чего мне сейчас-то, посуди? Может, я рада даже – ты дурачок – что оно тебе попало. Может, я сама бы тебе перед вечностью все рассказать захотела бы.

Порогин. Вся жизнь, оказывается, была... стыдная ложь.

Вера. Ну честное слово, Митя, как этот упрямый ты... ослик упрямый, о, Господи...

Порогин. Я тебя никогда ни о чем не спрашивал.

Вера. Спроси сейчас. Видит Бог, давай, отвечу.

Он молчит.

Ну, спрашивай?. Ну, чего же ты?

Порогин. Ты сама должна была рассказать. Тогда.

Вера. Да о чем, Митя? Мне и сейчас – захочу даже – припомнить нечего, а тогда... Да что ты такое, Митя? Я и ничего в голову не брала. Ничего не было, и ничего не брала. Понятно? (Молчит.) Глупый ты, Митя, честное слово. И не глупый даже, а какой-то... неумный. Подумай: муженек драгоценный с войны домой еле дополз, тут у него рана, там рана – я ему на шею и ну признаваться?.. Худо же ты обо мне думаешь, Митя. Видит Бог, вот не знала, что уж так дурно.

Порогин. Я бы мог понять тебя, Вера. По крайней мере хоть что-то понять...

Вера. Да что? Что? Что понять? (*Держится рукой за сердце, мотает головой и бормочет.*) Господи... Господи-Господи... конец мой приходит, Господи... (*Отправляет в рот еще таблетку, закрывает глаза, считает пульс.*)

Старик тяжело встает, медленно подходит к чемодану, сгибается, отрывает его от пола, тут же хватается за поясницу; не очень удачно, видно, нагнулся; опускается на колени, мгновение переводит дух, после чего уже с ношей превращается в некое подобие вертикали; после чего, не глядя на жену и не говоря ей ни хорошего, ни плохого, уходит. Старуха открывает глаза, выплевывает лекарство, торопится следом. Из прихожей в открытую дверь несутся их голоса.

Порогин. Отпусти меня, нет, я уйду...

Вера. Митя, погоди, Митя...

Порогин. Я все равно уйду...

Вера. Митя, надо поговорить, надо... поговорим, Митя... (*Затаскивает старика в комнату, отнимает чемодан.*)

Порогин. Чего нужно ждать, чего?..

Вера. Объяснимся, торопиться... Поспешешь – людей, Митя...

Порогин. Ничего не надо, ничего... там все написано...

Вера. Дурачок ты мой, одно написано, другое было... Послушай, как было. Может, это вообще художественная литература, откуда ты знаешь?

Порогин. Люблю, люблю? Художественная? Пошлость!

Вера. Да ты сядь, Митя, присядь...

Порогин. Отпусти руку, не хочу!

Вера. Садись, и отпущу... Обещаю, Митя, сразу... Ну, Митя, ну... *(Наконец, удаётся.)* Что за упрямый такой стал, честное слово! Прямо... ну, прямо... Никогда таким не был.

Порогин. Вера, я оскорблен. Мне надо уйти. Отпусти меня.

Вера *(не отпускает)*. Ну, Митя, ну... Не пущу я тебя никуда. В таком виде как можно? Знаю я тебя: уедешь, нафантазируешь себе, потом и поверишь, а потом еще и... вон у тебя воображение куда разбежалось. А я не виновата. Невинная я!

Порогин. Ложь, все ложь...

Вера. Что мне – божиться, Митя? Клясться?

Порогин. Довольно, нет, лжи не желаю... Не желаю, не желаю...

Вера. Невозможно же так разговаривать, Митя!

И старик с удивлением, вдруг, на нее смотрит.

Я у тебя, Митя, по-моему, не заслужила, чтобы ты так. За столько времени, по-моему, заслужила, чтобы уже и не так. Сам, Митя, все время жалуешься, что люди не слушают друг друга, а сам... Сказать-то мне дай?

Порогин. Пятьдесят два года...

Вера. Опять не слушает...

Порогин. Жизнь! Больше, чем жизнь! Теперь, вдруг, выясняется...

Вера. Митя...

Порогин. Ложь, фальшь, лицемерие, стыд...

Вера. Упрямец недобрый, да выслушай ты, наконец, меня, меня!..

И опять старик с удивлением глядит на старуху.

Видит Бог, Митя... Горло... ох, как сдавил кто... У тебя памяти, Митя, шесть граммов осталось. И куда все девается?.. Война же была, ты помнишь? Что медсестрой в госпитале работала – это хоть не забыл?

Он молчит.

Митя, ну, Митя... раньше не рассказывала... Ну, потому что, ну, глупость одна, чего гордиться было? Ты бы не понял, а я бы толком не объяснила... Сейчас вот понять не желаешь, а тогда... Да хочешь знать, еще таких писуллек тогда я чуть не миллион получила. Да хотела бы я тогда... Митя, хоть красоту мою неземную

помнишь? Не помнишь? Забыл? Все забыл... Ох, верь ты мне, не думала я тогда ни о чем таком и ничего такого мне тогда... Только, Митя, мне-то не надо, а другим-то – им-то... И война, и блокада, и жуть, и стужа – а надо. И голодные, и пораненные, и жизни всей, уж кажется, конец, – а все надо. Вот верь не верь, Митя, а воины в меня через койку влюблялись. На губах, на записках – одно все и то же: люблю. Люблю, да люблю, да люблю. Вот ты мне сейчас, как нормальный человек скажи: я что, запрещать им могла?

Он молчит.

Худущая была, Господи... Шейка тонюсенькая, лицо шелушится, волосы лезут... а все равно только и слышала: «Вера Максимовна, на вас без удовольствия глядеть невозможно».

Порогин (*тихо*). Пошлость.

Вера. А мне до сих пор восточные мужчины на рынке говорят: «Такой ужасно красивый бабулька, все забирай подешевле!» Знаешь, сколько я тебе экономлю?

Порогин. Зачем пошлость, Вера? Я не понимаю, для чего ты мне все это рассказываешь?

Вера. Рассказываю, чтобы.. Митя, сам всегда говоришь:человеческая жизнь густо замешана на несправедливости. Да чтобы сам не был несправедливым. Чтобы знал.

Порогин. Я говорил о жизни и смерти. Я говорил о несправедливости жизни, ведущей к смерти. Ты же всегда, всегда... У тебя поразительная способность снизить, упростить, подменить.Откуда это в тебе?Почему?

Вера. После грыжи, Митя. После этой грыжи дурацкой ты сделался невыносимым. Раздражаешься по мелочам, куда-то все рвешься от меня... Уже даже я тебя не устраиваю.

Порогин. Низкая жизнь меня не устроит.

Вера. В последнее время, я на тебя гляжу, у тебя ни к какой жизни желания нету. Ни к какой, Митя! Кафедру забросил, ректора своего послал... Я его встречаю днями, он говорит, до сих пор дойти не может. А уж как он к тебе, уж как перед тобой... А учеников? Их-то за что поразгонял?

Порогин. Бездари.

Вера. Не надо, Митя, Федя не бездарь. Сам выбирал парня в аспирантуру, и сам говорил, я хорошо помню, – талант. И сам же талант этот да своими же руками... А Лизаньку за что? Девонька старалась, так мне по хозяйству помогала, и уже на защиту почти, можно сказать... Митя, ты с людьми разучился, не только со мной. Я напрягаюсь, вспомнить хочу, с кем ты за последние три месяца хоть словом обмолвился, хоть полсловом... Кроме, конечно, своего Толстого.

Порогин. Не трогай Толстого!

Вера. Тебе все людское чуждо!

Порогин. Не касайся этого имени, прошу!

Вера. Он тебя заведет, я давно за вами наблюдаю!

Порогин. Невозможно, нет, я уйду... лучше уйду... уйду, Вера...
(*Пытается встать, но сил, видно, нет.*) Уйду... надо уйти... (*Сидит.*)

Вера (*с жалостью на него смотрит*). Куда?

Порогин. Уйти надо... исправлять... все было неправильно.

Вера. Семьдесят восемь, Митя!

Порогин. Все равно... уйти... сколько бы ни было... не могу... (*Вдруг, странно и пристально на нее смотрит.*) Ты думаешь, поздно?

Вера. Опомнися. Помереть сил бы хватило.

Порогин. Но я... Я не могу представить, что умру. Так вот умру... Так было в детстве, потом на войне... И сейчас так.

Вера. Митя, ну ладно, уж поверь мне: все там будем.

Порогин. Не могу я поверить. Мой мозг еще никогда не был так готов к жизни.

Вера. Мозг-то готов – а другое? Другое-то – готово?.. Ты бы хоть иногда на себя со стороны глядел... Уж молчу я про то, как ты ходишь. Живешь, Митя, как – одному Богу известно. Поджелудочная, позвоночник, правое легкое, два инфаркта...

Порогин. Мозгом, мозгом!.. Ты не понимаешь, о чем я говорю: умереть – надо согласиться. Без моего согласия этого не будет. Я знаю точно. Как на войне знал.

Вера (*устало*). Фантазер...

Порогин. Знал! Наверное! Как ни про что другое! И так было! И будет всегда!..

Вера. Ох, Митя, знал ты, не знал ты... Убило бы – так лежал бы в земле как миленький. Как все лежат.

Порогин. Это невозможно. Без моего согласия... Слишком много задумано. Я хочу жить, Вера. Я должен. Особенно сейчас. Это важно... Важно, понимаешь?

Она молчит.

Но я хочу высоко. Я должен высоко, иначе... ничего не получится. Невозможно жить, мыслить, писать... Невозможно в разладе!

Вера. Митя...

Порогин. Невозможно! Невозможно!

Вера. Да на здоровье. На здоровье. Разве я возражаю? Живи долго. Если очень захочется и сумеешь – вообще всегда живи. Уж так ты ко мне, Митя, честное слово, Митя, как будто я, не дай Бог, не хочу, против... Да живи, Митя, живи.

Порогин. Как жили – уже не смогу. Не хочу.

Вера. Плохо жили разве?

Порогин. Плохо. Во лжи погрязли.

Вера. Я лично не грязла.

Порогин. Скрыла тогда, и оттуда... все оттуда...

Вера. Митя, выяснили, кажется, ничего не было!

Порогин. ...И через жизнь, отношения – ложь, комом...

Вера. Да что же ты за человек такой? Да забыла я тогда, забыла!.. Сперва не успела, забыла... а потом совсем забыла... Неужели не понятно?

Порогин. Не могла ты такое... Когда с человеком такое случается... Когда такое в такое время...

Вера. Какое такое, Митя? Один раз поцеловались, Господи!

Старик вздрагивает – как от пощечины. Испуганно смотрит на нее. Впрочем, она замечает и свою нечаянную бестактность, и его взгляд.

Ну, знаешь... Митя, ты въедливый, как соляная кислота, честное слово... Ну, можно подумать... Только не фантазируй. Вот только... ты слышишь? По глазам вижу – фантазируешь. Не фантазируй. Не фантазируй, говорю. *(Приближается, кладет руку на голову – он отшатывается; она, как ни в чем ни бывало, снова кладет – и то же шараханье; отходит, со вздохом опускается в кресло.)* Глуповатенький ты мой... растревожился до чего... Событие, Господи: младший лейтенант заволок под лестницу... Сто лет назад... *(С улыбкой и даже не без удовольствия припоминает.)* Не сама же я, Митя... Это же он меня... Дитина такущий – никаких сил бороться с ним не было... поверишь? Я ему, главное, говорю: товарищ младший лейтенант, не лапайте, – а он прямо... ничего слушать не хотел. Дурень... Амбал...

Полными слез и тоски глазами старик пронзительно глядит на жену. Она же погрузилась, кажется, в воспоминания, не замечает его состояния.

Забыла, как звали... Как-то... Алексей, что ли?.. Нет, не Алексей – Арсений... Арсений, Арсений... Арсений, Митя... *(Наконец, замечает взгляд мужа.)* Митя... Митя... из-за такой ерунды?.. Голубь мой милый, да что с тобой? Да как можно так, Митя? Ну, полно, ну, Митя?.. Митя, ревнивец, кто бы мог подумать...

Порогин. Вера... Вера...

Вера. Миленький, милый мой... *(Встает и направляется было к нему.)*

Порогин. Не надо!..

Вера *(останавливается)*. Что, Митя?.. Господи, Митя, какой ты даже интересный человек, когда ревнуешь.

Порогин. Нет, не ревную, не то... не то...

Вера. Ну, слава Богу, а то уже совсем, думала, все прожил и в дерево превратился. В сутулое такое дерево, Митя, странное, с бровями, ноздрями,

бородавками...

Порогин. Больно смотреть, Вера... видеть...

Вера (*тревожно*). Давление?

Порогин. Нет...

Вера. Оно, Митя, оно, я же вижу...

Порогин. Холод в душе, пустота... пустота, холод...

Вера. Может, плед электрический, сходить?..

Порогин. Я тебя не люблю.

Вера. А?..

Порогин. Я тебя не люблю!

Вера. А-а... (*Смеется.*) И хорошо... И на том спасибо, что не дерево... А то уже думала, дерево...

Порогин. Всю мою жизнь я любил другую женщину. Теперь я знаю – другую. Ты понимаешь: другую.

Старуха еще улыбается, но уже как-то растерянно, что ли.

Другую...

Вера (*медленно оседает в кресло*). Какую другую, Митя?..

Порогин. Зачем же ты скрыла? Почему не рассказала? Тогда? Я бы, может, решился. Ушел бы, не томился бы сам, тебя освободил...

Вера. ...Эта женщина... ты говоришь... а кто она?.. А, Митя... я ее знаю?..

Порогин. Тогда бы, тогда... может, все бы сложилось иначе...

Вера. Грудь на куски рвешь, Митя, кто она?

Порогин. Ложь, ложь, все ложь... ложь...

Вера. Лариса Юсуповна? Правильно? Угадала? Нет?.. Которая с картофельным носом? Она? Да отвечай же, она? Чего уставился – отвечай...

Порогин. Как ты унижаешь меня...

Вера. Я унижаю? Ты унижаешься! Ты – сам, если хочешь знать!.. Господи, Господи... Всю жизнь глаза клал на уродок. Как мне доносят, на кафедру новенькую взял, прихожу – обязательно с дефектом! Поглядишь, Митя, на твой вкус невооруженным глазом, и ужас берет: у одной во все лицо рот, а во рту зубов сто штук – акула, не женщина! У другой рот, как рот, но зато лицо прямо из попки растет и на попку похоже! У третьей...

Порогин. Вера!

Вера. Что Вера? Что Вера? Не до такой же степени неразборчивым, Митя?!

Порогин. Я не Митя! Прекрати идиотской кошачьей кличкой – я не Митя!

Вера. Ну, правда же, Елизар, ну, правда же!

Порогин. Не было никакой Ларисы Юсуповны! Того, что ты думаешь... Хочешь знать – все было раньше и не так, как способна вообразить!.. Да и неспособна, и не вообразить, и ни к чему это, ни к чему!..

Вера. Погоди, Митя... Как ни к чему?.. Елизар...

Порогин. Вера, Вера, оставь... Вера, это было в другой жизни. Там, на войне, и не надо, прошу...

Вера. А?..

Порогин. Ты ведь ничего не понимаешь!.. Того, что ты думаешь... Ничего не было, Вера! Даже помыслом не оскверняй, прошу! Не было этого, не было!.. Могло быть и не было. Потому что... любовь, Вера, обстоятельства... а главное – высота души такая...

Вера. Господи... Господи...

Порогин. Как объяснить?.. Не объяснить... Но, Вера... все там было другое: смерть, жизнь, надежда, смерть, жизнь... Как объяснить? Другая реальность... Слова имели точный смысл. Не было тела. Быта. Лжи. Фальши. По крайней мере – для меня. Нет, Вера, для многих, для многих!.. Всем хотелось жить, очень жить... Жить высоко. Да, знаю, надоел тебе этим словом, но высокое это... единственное то, ради чего стоит жить. Вера... Вера, единственной женщиной в моей жизни, в которой было... В ней это было – чистая, добрая, настоящая...

Вера. А потом?

Порогин. Что потом?..

Вера. После войны? С высокой? Изменял?

Порогин. Пошлость, Вера...

Вера. Ну, Митя, ты специалист... А я же, а я же... Господи, я же ничего не чувствовала... Жила и уверена была, что он святой, я святая, – а он, оказывается, в это время...

Порогин. Погибла, Вера!.. Нет ее! Нет!..

Старуха с недоумением, даже с испугом смотрит на него.

Мы ничего не успели. Погибла. Понимаешь? Я ничего не успел. *(Молчат.)*
Успел только понять: моя женщина. Мое призвание. Моя любовь.

Тишина.

Вера. Митя, судишь, а сам... Сам-то молчал столько лет.

Порогин. Не умел рассказать. Было только одно мгновение, которое... можно почувствовать... потом помнить... Я бы и слов не нашел. Вроде, и не было ничего... а все было.

Молчат.

Вера. Что было?

Порогин. Ничего не было.

Вера. А помнишь чего? *(Он молчит.)* Что-то же помнишь?

Порогин. Помню. Прикосновение. *(Молчит. Глаза закрыты. Далеко он*

сейчас...) Контузия.. Госпиталь... Пробуждаюсь от прикосновения... Простого, понятного прикосновения руки... Как оживляет... Трудно открыть глаза... Но очень хочется их открыть... Наконец, сквозь туман – прекрасное лицо... До сих пор не могу его объяснить... О женщине с таким лицом я как будто читал где-то... Или мечтал... Оно могло сниться... Одухотворенное... Да, одухотворенное... *(Открывает глаза.)* Помню невероятное чувство... счастья...

Вера. Счастья, говоришь?

Порогин. Что?..

Вера. У тебя было счастье? Там? В то самое время, когда мы с Илюшечкой тут?..

Порогин. Вера, послушай...

Вера. Да, Господи, да что же это такое? Мы тут, живые едва, бредили тобой, тосковали, а ты там был счастлив?.. В голоде, в холоде, один свет у нас был: папа вернется, папа спасет, а папа...

Порогин. Не надо бы Илюшечку сюда, Вера, не надо бы...

Вера. ...А папа солдат? Маленький мой спрашивал, спрашивал: а папа сильный? А умный? А настоящий он, папа? А врагов он побьет? А скоро побьет?..

Порогин. Я тебя умоляю...

Вера. ...Скоро, сыночек, скоро, я говорила, наш папочка, наш любимый, наш единственный, он спасет, он спасет...

Порогин *(стиснув руками голову, восстает и кричит)*. Не уберегла сына! Не уберегла сына!

Вера. Митя!..

Порогин. Мальчика моего единственного, сына моего, жизнь мою...

Вера. Митя, опомнись, что говоришь?.. *(Пытается встать – не получается.)* Митя... Митя...

Порогин. Развратная мать – проклятье для близких!

Вера. Господи...

Порогин. Кто-то за всех отвечает – он ответил!.. Будь проклята – он ответил!..

Со стоном сползает старуха с кресла на колени, расплывается на полу; впечатление – теряет сознание. Старик над нею – растерянный. Стоит, словно пытаюсь сообразить, что же произошло... Сгибается, вглядывается; опускается на колени, склоняется, прислушивается к ее дыханию.

Вера... Вера...

Она не откликается. Он поднимается, уходит. Кажется, она приходит в себя. Жалобно стонет. Приподнимается. Руками держится за голову.

Вера. Господи... Господи... За что мне все это?.. В чем я виновата?.. Разве я

виновата?.. Господи...

Появляется старик со стаканом в руке. Останавливается, внимательно смотрит на жену.

Как плохо мне, Господи... плохо...

Порогин. Врачей вызвать?

Вера. Ты говорил ужасное... ужасное, Митя...

Он молчит.

Что ты такое говорил?.. Неужели возможно, что говорил?.. Это же... страшно, Митя... грех...

Он выпивает всю воду, стакан ставит на стол. Тяжело опускается на стул. К ней спиной. Она пытается подняться – не получается. Жалобно на него глядит.

Правда, меня все эти годы не любил? *(Он молчит.)* А я думала, любил... *(Молчит.)* И думала, как хорошо, что именно за тебя замуж... И не хотела, и не решалась долго, но пошла... И хорошо, думала... Я ведь до сегодняшнего дня так и думала... *(Тишина.)* Все не так думала, дура... старая... Господи...

Наконец, ей все же удается вскарабкаться на кресло. Тяжело дышит. Принимает валидол. Он как сидел – так сидит. И не дрогнул, чтобы ей помочь. Правда, развернулся, чтобы удобнее было за ней наблюдать.

Порогин. Постарела.

Вера. Да... И ты, Митя...

Порогин. Тебя совсем не узнать.

Вера. А... наверное... Да... И тебя, Митя... Ты тоже... тоже...

Порогин. Совсем не узнать...

Вера. Время такое для меня наступило... Время такое...

Порогин. Говорок, причитаешь, божишься... Откуда у тебя это? Как бабка...

Вера. А я бабка и есть. Куда же деваться?..

Порогин. Нет... если бы сто лет назад я мог представить, что с тобой станется...

Вера. Сто лет назад ты на меня глядел другими глазами. Добрыми, Митя.

Порогин. Не было лжи.

Вера. С восторгом, Митя. Я помню. Глядел так, будто от меня зависело, жить тебе или умереть. Без меня не хотел и дня... Любовь вечную обещал. Говорил, если чего сделаешь в жизни, – это будет для меня. Тебе Дон Кихот тогда нравился. Диплом по Сервантесу писал. А... вообще, Митя, до Толстого ты был...

Порогин. Не трогай Толстого.

Вера. Бросил бы ты его, пока не поздно.

Порогин. Поздно.

Вера. Всю радость он из тебя высосал. Думаешь, не вижу? Думаешь, не больно? И ведь не успокоится старый паук, пока до конца, вот увидишь...

Порогин. Целой жизни книга, как можешь?

Вера. Бог с ней, Митя, я могу, Бог!.. Ни тебе, ни людям она в пользу не будет. То, что я потихоньку от тебя читала – это... Это же... волосы дыбом, Митя!.. Честное слово. Пойди на улицу, если ты мне не веришь, поговори с живыми. Да кому же охота мучиться так? Люди жить хотят, детей растить сытыми, войны чтобы не было... Не нужна им твоя книга про это. Ты маешься, а ведь никому... Все покоя хотят и простоты.

Порогин. Не надо за всех...

Вера. Устали, Митя!.. Все устали. И я... Ты хочешь знать – и я... Когда читала у тебя... Как же там, Господи... Ага: «Муки совести и высота человеческих прозрений погнали Толстого прочь из дому», – я думала... Господи, думала, что же это за совесть такая?.. Жизнь с человеком прожить, а под конец в душу так наплевать?.. И что за прозрение такое, если близкому горе и позор?.. Да как же это такое все понять?.. А жить с этим – как??

Порогин. Я жалею, Вера... Жалею, жалею... Жалею... Все зря было. Все, что с тобой... Правда же, правда... Могло и не быть. Наверное, лучше бы, если бы не было. Слушал тебя сейчас и думал... Думал: столько лет... зачем были вместе? Если мы думаем, чувствуем... Что же это такое – близкие люди?.. Полстолетия я пытаюсь подняться с колен – все полстолетия ты меня на колени... По-твоему, жить можно и нужно только на четвереньках?

Вера. Как все люди, Митя. А лежа, стоя – я не знаю. Знаю – как все.

Порогин. Но я не умею – как все. Я страдаю, когда надо – как все. Я страдаю, когда надо – как все. Я не понимаю этого, не ощущаю, не способен, нет у меня такого таланта!..

Вера. Это потому, что ты недоношенный, Митя. Не обижайся только. Не гляди на меня так пронзительно. Правда. Я вычитала в «Природе»: если нам чего-то в жизни или вообще не нравится – обязательно, значит, у нас в организме чего-то не так. Одного злого писателя вскрыли сразу после смерти: у него желчи в пузыре на пятнадцать килограммов больше нормы было. У другого, политика, читала, все внутренние органы были перепутаны: где для сердца место – там аппендикс у него, селезенкой дышал, седалищным нервом думал...

Порогин (*поднимается*). Невыносимо слушать, Вера.

Вера. Ненормальные люди, чего с них возьмешь?

Порогин. Уйти и покончить с этим... покончить...

Вера. А я выясняла с тобой, Митя, ты нормальный, успокойся. Ты просто недоношенный. Поэтому мечешься, мучаешься, кажется тебе все время чего-то

не хватает... А тебе двух месяцев не хватило, всего-то. Просто.

Порогин. Пошлость, Вера, тоска... Унизительная способность всегда все объяснить, ничего не поняв.

Вера (*тоже встает*). Не уходи, Митя...

Порогин. Либо уйти, либо повеситься, Вера. С тем, что в душе, быть дальше...

Вера. Не уходи, прошу... (*Обнимает его.*)

Порогин (*снимает с себя ее руки*). Да нельзя же, нельзя!..

Вера (*опять обнимает*). Да можно, Митя...

Порогин. Нет... мы уже ничего вместе не сможем... Только ненавидеть; пусть, прошу... (*Выдирается.*)

Вера. Тогда, ну, тогда... (*Снова обнимает.*) Давай тогда вместе, что ли... Рядышком, Митя... Что же я одна?.. Мы же неверующие с тобой, чего нам? Бог простит...

Порогин. Смерть, может, простит. Дурацкую жизнь не простит.

Вера. Без тебя не буду, Митя. Не буду, не проси. Не буду. (*Цепко за него держится двумя руками.*)

Порогин. Будешь, отпусти... (*Пытается вырваться – не удается.*) Лучше отпусти...

Вера. Погибнешь... Оба погибнем, нельзя...

Порогин. Пускай, нет, пускай...

Вера. Лучше простим, Митя...

Порогин. Не хочу, не могу...

Вера. Простим, я прошу... (*Силой усаживает старика.*) Не вспомню, не попрекну, увидишь...

Порогин (*сползает на колени*). Отпусти меня, заклинаю... У меня нет другой жизни – эта книга... Наконец-то, мне кажется, я знаю, как ее сделать... Но пути пока... эта ложь, эта тоска, Вера!..

Тишина. Но вот зазвонил телефон. Он – словно не слышит. Телефон затихает.

Она устало отворачивается, медленно бредет к креслу, садится.

Вера. Ну, что же... Уходи.

Он сидит на коленях, низко опустив голову. Опять звонит телефон.

Порогин (*неловко встает, направляется к аппарату, снимает трубку*). Я слушаю... Я слушаю... (*Кладет трубку.*)

Тишина. Он поднимает чемодан. Мгновение стоит. Опускает чемодан, морщится, садится. Достает лекарство. Старуха сидит с закрытыми глазами. Звонит телефон.

(Тянется, снимает трубку.) Я слушаю... Я Порогин... Да, вызывали... Спасибо... хорошо... Да, я иду... *(Кладет трубку; сидит.)*

Медленно меркнут бра. И только чудесный аквариум светится и живет...

Часть вторая

В комнате полумрак. Свет от аквариума. Слышно, считают мгновения огромные старинные часы на стене... Хлопает дверь и сразу голос старика: «Вера Вера!..» И кашель. Быстро входит Порогин, включает свет – ярко. Он в мокром пальто, со шляпы стекает, ворот распахнут. На полу, раскинув руки, лежит старуха. По ковру рассыпаны таблетки, ампулы.

Порогин. Вера!.. *(Тяжело дышит, испуганно на нее смотрит.)* Вера... *(Вдруг, мякнет, слабеет, устало бредет к креслу; сидит, ссутулившись.)* Вера... Вера...

Тишина. Вдруг, устремляется к телефону, хватается за аппарат, но роняет; поднимает, стучит по нему, дует в трубку, кому-то кричит: «Алё! Алё!.. Кому?..» Обхватив руками голову, ходит по комнате; стоит у аквариума, сосредоточенно разглядывает рыбок; осторожно приближается к жене, опускается на колени, шепчет: «Вера... Вера...» Озирается по сторонам, ползает по полу и подбирает таблетки; внимательно их разглядывает; наконец, встает, уходит. Возвращается со стаканом, который ставит на стол; высыпает на скатерть таблетки, задумывается. Достает записную книжку, перечитывает записанное. Книжку прячет. Снова собирает таблетки, одну отправляет в рот, берется за стакан.

Вера. Митя, не смей.

Старик от неожиданности выплевывает снотворное и закашливается.

Я живая, не убивайся. *(Садится.)*

Порогин. Живая?.. *(Давится, покраснел, побурел даже.)*

Вера. Митя, да, я живая, можешь потрогать... Да живая, ну вот... Что, Митя?..

Порогин *(все в себя не придет).* Зачем?..

Вера. Митя...

Порогин. Фарс, Вера?..

Вера *(ползет к нему, обнимает за ноги, да так, что, потеряв равновесие, он падает в кресло.)* Митя, не так, все объясню, ты поймешь, но не так...

Порогин. Но ты же позвонила, что хочешь, – решил, что мертва...

Вера. Была я, хотела, почти, Митя...

Порогин. Опять ложь?

Вера. Да не лгала я, объясню же, объясню, Митя, сейчас...

Порогин. Все опять, все сначала, да что же это, Вера!..

Вера. Я действительно хотела, Митя!

Порогин. Что?! От меня ты чего хочешь?!

Вера. О, Господи, Господи... умереть хотела, решила проститься, подумала, умру не простившись – тоже нехорошо, не по-людски, все же жили, ну правда же, чтобы по-людски...

Порогин. Ты душу мне истерзала, я же поверил!

Вера. И правильно, Митя, уж ты-то во мне не сомневайся, я правда решила... решила, решила, потом подумала... подумала... твой крик по телефону вспомнила: «Не делай этого!» – подумала... не хочешь, подумала, значит... подумала: так чего же мне?.. И, в общем... Митя, я в общем...

Оба потрясены, оба молчат.

А что?.. Неправильно?.. Надо было?..

Порогин (*стиснув кулаки, визжит*). Дура! Дура старая!.. (*Откидывается, дышит тяжело, ему душно, его душит.*)

Вера (*обнимает его ноги*) Митя... Митенька... Милый... у тебя лицо серое стало...

Порогин. Дура... дура...

Вера. На-на, Митя... Митя, на... (*сует ему таблетку*)

Порогин (*отшвыривает*). Решила меня убить...

Вера. Да держи же, Митя... (*Еще всучивает ему лекарство.*)

Порогин. Тебе легче убить меня, чем жить дать...

Вера. Да Митя же...

Порогин. Смерть – из всего выход, конечно... Ведь не надо страдать, стыдиться, мучиться, лгать...

Вера. Ты меня жалей, не себя! Я же себя убить хотела, дурень!

Порогин. А я бы жил? Я после этого жил бы? Ты же знаешь, что нет! Знала!

Вера. Не знала я ничего! Не думала я об этом! Ни к чему стало все – это понять способен?

Порогин. Нет, Вера, знала ты все, обо всем: что примчусь, изведусь и расскаюсь, что жить не буду – все!.. Проклятье какое-то: воля, желания – не имеют смысла. Жить как хочу – не могу. Все противно! Ты понимаешь? Я сам – я сам! Изменить ничего не могу! И цель моего рождения, оказывается, – твоя жизнь или смерть. Только! И никакой другой – понимаешь? (*Хватает ее за плечи и встряхивает.*) Никакой!.. Никакой!..

Вера. Митя, больно...

Порогин. Что же мне делать, Вера? Мне нужен год, один, только один, неужели же нет?..

Вера. Да разве же я держу тебя, Митя?

Порогин. Ты не можешь умереть сейчас, именно сейчас, ты не можешь, Вера...

Вера (*выдирается*). Да отпусти ты меня! Отпусти, дьявол!.. (*Отползает от него, поджимается.*)

Порогин (*стоит на коленях и потерянно, как в забытьи, шепчет.*) Не можешь... Не можешь... Не можешь...

Тишина.

Вера. Страшно мне, Митя... Страшно... Сам не видишь себя, не чувствуешь... Страшно... (*Молчат.*) И я, как в болезни... Толком не думаю... Одно в голове, сразу другое... Потом соображаю, для чего мне эти мысли?.. (*Молчат.*) Поняла наконец, почему замуж за тебя не хотела... Сегодня ночью вдруг и поняла: ты перешагнуть можешь, Митя. У тебя идея будет – ты ради нее через меня, через живую, через близкую тебе... (*Молчат.*) Господи, что мне сказать, что сделать, чтоб ты поверил? (*Молчат.*) Ты думаешь, говорю, чтобы пользу себе?.. Да Бог с тобой, живи, как знаешь. Сейчас уже, Митя... зла между нами не хочу. Зачем же зло?

Порогин. Ложь была между нами. И будет, пока мы вместе.

Вера. У тебя идея теперь – уйти... А один останешься – не будет лжи? Не будет, Митя?.. (*Он молчит.*) Ничего не будет. Это уж точно. Скоро уже. Одного понять не хочешь: ничего.

Порогин. Страх, страх... Перестань пугать. Как болезнь неотвязная: что умрешь – страх, или останешься один – страх... что обманут, не поверят или не поймут – страх, лишат добра, любви, надежды – страх... Унизительный, стыдный. Ты за меня, я за тебя цепляемся – как слепые друг за друга. Слепые, пока цепляемся, но цепляемся. Страх без конца, начала, невозможно понять, жить...

Вера. Жили же...

Порогин. Лгали. Без мук совести, не страдая. Даже не задумываясь, что лжем. Привычно, без цели. А главное – для чего? И зачем? Смысл?.. Если это жизнь... если ты это называешь жизнью...

Вера. Все жизнь, Митя.

Порогин. Да-да-да, да, слышал...

Вера. И все хорошо, что жизнь..

Порогин. Нет... нет... не хочу...

Вера. Сидела тут без тебя и думала: наемся снотворного, глаза закрою... (*Открывает глаза, печально смотрит на мужа.*) А потом?..

Порогин. Тебя смерть пугает, а мне жить противно во лжи.

Вера. А дальше-то что, Митя?..

Порогин. Не желаю о смерти сейчас, и полно, и ни к чему!..

Вера. А о чем нам еще с тобой?

Порогин. Зачем ты мучаешь меня? Разве я знаю? Не хочу, нет ее, нет!..
(*Молчат.*) Потерпи хотя бы год. Не делай этого... Прошу. Год хотя бы... Ну, прошу. Потерпи.

Вера. А потом? (*Он молчит.*) Потом разрешаешь? (*Он молчит.*) Через год, значит, смогу? Митя?..

Порогин. Через год и я смогу.

Старуха с трудом залезает на стул, тяжело дышит. Сидит, обмякнув.

Вера. Вчера в магазине... у кассы стоим... девчонка говорит: бабушка... бабушка, говорит... Вы, говорит, уже, можно сказать, одной ногой в могиле... говорит, скажите... вы, говорит, может, знаете: а жить стоит?.. (*Он молчит.*) Одной жить не хочется... Неинтересно... Меня осталось во мне... под ногтем у тебя помещусь. В голове другого не держу: как Митя спал, как Митя ел, как Митя работал... Да кто позвонит, да как ответить, да куда послать... Как же мне без тебя-то, миленький?..

Молчат.

Порогин. Жалко, собаку уже не завести.

Вера. А?..

Порогин. Сидел на даче, думал: собаку бы завести.

Вера. Песика, Митя? Ты серьезно?..

Порогин. Только уже не завести: старость... Старость – это когда уже собаку не завести.

Вера. Зачем собаку, Митя? А я?..

Порогин. И ты... И без тебя не могу...

Вера (*сползает на колени и ползет к нему*). Я совсем не могу, Митенька...

Порогин. Приехал, дом холодный... растопил печь. Ужасно захотелось жареной картошки. Картошки не оказалось. Подумал: ну, выпью чаю. Но и заварки не оказалось...

Вера. Я от мышей, Митя... от мышей запрятала... в сундучок...

Порогин. Одиноко, вдруг, сделалось, тоскливо. Огромная дача, пустая. Знаю, тебя нет, но прислушиваюсь, не твои ли шаги за стеной.

Вера (*уже обняла его ноги и прижалась к ним щекой: и хорошо ей и плачет.*) И я ведь не верила ведь, что ты уехал... Думала... Все передумала... Плед на полу в коридоре кинула, залегла... Как женщина из африканского племени, помнишь, рассказывал? Мужчина перешагнет – ему легче. А я... Да согласна я, шагай... (*Гладит его.*) Если надо, Митенька... Митя...

Порогин (*тоже ее поглаживает*). Добрая моя... добрая...

Вера. Ты добрый...

Порогин. Хорошего много от тебя, я помню...

Вера. И я помню. Как ногу сломала, как ты не отходил от меня, как сам все... Миленький мой... хочешь, опять Елизаром? Как по паспорту?..

Порогин. Да полно... Вера, ты тоже... После операции меня... Ты тоже...

Вера. Нет, Митя, нет... Елизарушка... Митя, ты ушел – я думала: я, наверно, мало благодарила тебя. Правда, не дергайся, мало, можно было... Но ты не думай, Митя, я благодарна тебе. За жизнь, за внимание... Елизар...

Порогин. При чем тут...

Вера. Нет, Митя, хорошая была жизнь: в Грецию меня брал, в Австралию. Париж хороший город.

Порогин. Это тебе спасибо, что ездила со мной. Один бы я вряд ли...

Вера. И везде нас так хорошо принимали, везде я тобой гордилась. Нынче, вот недавно, только что вспомнила, в Дании ты доклад делал, а я сидела в последнем ряду, глядела на тебя и думала: неужели же такой умный и красивый человек – мой муж?.. Мить, Мить, а правда, как же так получилось, что я, такая дура, и ты... ты, Митя, такой... Правда же, Митя, глядела со стороны как бы на себя, на тебя и не верила...

Порогин. Я долго не мог поверить, что ты моя жена.

Вера. Ну, Митенька, я...

Порогин. Ты была красивой.

Вера. Да глупой...

Порогин. Очень. Я гордился, что у меня такая красивая жена и мучился... что недостойн.

Вера. Ты недостойн? Да ты, Митя, достоин, чтобы таких, как я, вокруг тебя миллион...

Порогин. Очень мучился...

Вера. А ты и был, Митя, ничего, а с годами... *(С нежностью поглаживает его.)* Лоб от волос освободился, и лучше. И в глазах выражение появилось... И вообще, сам весь интереснее сделался... *(Гладит.)* Ты мой красивый, ты умный, ты справедливый...

Старик, вдруг, отстраняется, странно глядит на старуху.

Что, Митя?.. А?..

Порогин. Ты любила меня? Хоть когда-нибудь?

Вера. Да, Господи, Митя...

Порогин. Ты никогда не говорила. Подожди. Хоть когда-нибудь? Любила? Ну, скажи, любила?

Вера. А разве же нет, Митя?

Порогин. Я бы вспомнил. Я вспоминал...

Вера. Вот честное слово, Митя... Вот Бог видит... Ох, Митя, ты же меня знаешь, из меня говорунья. Но я же думала... ведь, наверно, думала же, что люблю?

Он молчит, низко опустив голову.

А неужели ж не любила?.. У тебя-то в мыслях – что?.. Не любила?..

(Он молчит.) Ну, Господи, Митя.. *(Опускается на ковер, задумывается.)* Ну, жила же я с тобой... Любила, значит...

Порогин *(задумчиво)*. Не знаю...

Вера. Что ты сказал?. Говори громче, Митя, что-то я разволновалась... что-то не слышу... *(Он молчит.)* А, Митя?..

Порогин *(Поднимается, задумчиво на нее смотрит)*. Мы все испортили. Все испортили...

Вера. Что ты говоришь?..

Порогин. Не надо было нам вместе. После войны, как вернулся, как встретились, тогда нам и надо было... И не было бы лжи. И тоски этой, и отвращения – к жизни, к себе... *(Тяжело ступая, направляется к выходу.)*

Вера. Куда, Митя?

Старик уходит – словно не слышит.

Митя, стой!

Останавливается; стоит понуро, не оборачивается.

Митя... убей меня... если я понимаю, о чем ты говоришь... Все забыл. Ты с войны, только вспомни, едва вернулся – у тебя в легких нашли этот...

Господи... Врачи говорят, в Среднюю Азию, в Крым, куда-нибудь поезжайте. Я же тебя силком буквально, чуть не на себе в Джамбай увезла. Козу держала, свиней, птиц, чтобы ты мог нормально питаться. Три года. Сама, Митя, сама! Чтоб только внутри у тебя там зарубцевалось. Да ты вспомни, ты вспомни...

Порогин *(глухо, не оборачиваясь)*. Не пойдем мы друг друга... никогда не пойдем...

Вера. ...А получше здоровье стало – домой возвратились... Как бешеный, засел за книжку про Горького. И девять лет жизни...

Порогин. ...Да кто же нас запутал так?..

Вера. За Достоевского взялся – еще двенадцать. Толстому – тому вообще...

Порогин. Ну, довольно, довольно...

Вера. Что довольно? А я, Митя? Пока ты там с ними летал и парил – я?.. Как букашка вокруг тебя ползала: кухня-базар-магазин-прачечная, магазин-прачечная-кухня...

Порогин. Да-да-да-да-да-да!.. Ты права, но ты вслушайся, Вера, и я о том же: вся наша жизнь держится на двух шнурках – что ты для меня сделала, чего я не сделал для тебя. А еще, Вера? А еще что бывает? Ведь бывает же?!

Вера. Что бывает? Объясни мне, набитой, – чего еще в жизни бывает, кроме жизни?

Порогин. Чувство бывает! Чувство!.. Твое чувство, что с тобою случилось то самое... единственно возможное... и только с тобой... одним... И что было не зря... что не зря... то было не зря... не зря... не зря...

Старуха тяжело опускается на стул, сидит поникнув. Старик тяжело дышит, на жену не смотрит. Тишина.

Вера. В Бога ты не веришь, Митя. А был бы Бог, и ты бы знал, что он есть... *(Молчат.)* И ребеночек наш оттого, может, и не прижился на белом...

Порогин. Вера...

Вера. В Бога не веруем, Митя. А то бы он спас Илюшечку... сыночка моего... единственного сыночка... Илюшечку моего...

Порогин. Я тебя прошу.

Вера. Спас бы, а, Митя? Спас бы? а? а?.. Если бы мы, если бы мы? С тобой мы, а?.. Нет?..

Порогин. Ну, не надо об этом, прошу я, прошу...

Вера. Бог проклял нас, Митя.

Порогин. Я прошу тебя!

Вера. Проклял!.. Старые, больные одинокие, никому и друг другу... и даже друг другу, оказывается, и друг другу, друг другу, Митя... *(И плачет, захлебывается, тянется за стаканом, опрокидывает, проливает воду на скатерть.)*

Старик уходит. Она плачет, плачет... вдруг, замечает – его нет. И рукой тянется следом за ним, словно пытаюсь ухватиться за что-то... За что? И бормочет, повторяет: «Митя... Митя...» И находит-таки в себе силы встать, нетвердо, цепляясь за спинки стульев, кресел направляется к выходу – навстречу ей муж с водой.

Митя... *(Цепляется за него.)*

Порогин. Тарантул ты, Вера!

Вера. Не бросай меня, миленький...

Порогин. В самое сердце, ведь знаешь!..

Вера. Не бросай меня, Господи, пожалей меня, Митя?..

Порогин. Нет его, нет!.. Мы с тобой, старые, больные, одинокие – есть, а Его – нет!.. Как нет нашего сына, и нашей любви, и нежности, и жалости нашей – ничего!.. И никто не виновен в том – мы, только мы!.. Ты меня слышишь? Это мы не уберегли нашего сына! Это мы преступали и лгали – мы, а не Бог! Мы, а не Бог!..

С грохотом со стены на пол обрушиваются старинные часы – то ли от крика, а возможно, от какого-нибудь иного сотрясения в почве или в атмосфере.

Старики, впрочем, молчат. Наконец, она его отпускает и отворачивается.

Слабо махнув рукой, бредет к столу.

Вера. Уходи... Бог с тобой... Нету сил... *(Поморщившись, то ли от боли, то ли от тяжести, отчаяния, – опускается на стул.)* Мне уже все равно... как-нибудь... уходи...

Порогин *(внимательно на нее смотрит).* Хотела воды. *(Задумчиво разглядывает воду.)* Трубы старые... Видно, уже не выдерживают... Ржавой стала вода... *(Направляется к столу, ставит стакан, стоит, наконец, садится.)* Странный сон... Всю прошлую ночь... с отчаянием и надеждой пытался тебе объяснить, почему мне трудно так жить, как живу; почему неинтересно и стыдно; и отчего дальше так продолжаться не может. О твоём предательстве я еще не знал.

Она поднимает глаза, внимательно на него смотрит.

Ты меня слушала... Кажется, даже не обрывала. И, казалось мне, что понимаешь. Лицо у тебя было... почти таким же, какое оно сейчас: заплаканным, обреченным... и недоступным для понимания. *(Молчат.)* Дослушав, ты встала и ушла в другую комнату. Возвратилась с огромным револьвером в руках. Каких-то размеров... немислимых... Наверно, с винтовку. Но по виду – револьвер. Спокойно сказала: не можешь – не живи.

Вера. Ох, Митя, уходи, сил нету, правда...

Порогин. Я помню, Вера, меня поразило не то, что ты мне так легко предлагаешь застрелиться. То поразило потом, когда уже проснулся. А тогда, во сне, помню, я у тебя спросил, где ты его взяла.

Вера. У тебя жалость есть, Митя? Хоть на каплю?..

Порогин. ...Ты ответила: от матери достался. В наследство. А той – от ее матери, твоей бабки. А бабке – от еще предыдущей. И что все их мужья кончали с собой из этой дубины. Без промаха.

Вера. Ну, я же отпустила тебя, ну? Уходи. Не держу. Правда.

Порогин. ...Странный... странный сон... Все гадаю... *(Она молчит.)* Однажды, давно... был свидетелем, слышал... женщина крикнула вслед мужчине: «Лучше бы ты умер, мерзавец». *(Внимательно на нее смотрит.)* Для тебя, верно, тоже было бы легче, если бы я умер сейчас, тут, возле тебя, а не ушел бы прочь и где-то еще жил...

Вера. Бога побойся, Митя, что говоришь?..

Порогин. А что? Если люди кричат – значит, это есть?.. Значит, можно и думать об этом, и говорить?.. Чему ты, собственно, так удивилась?.. Ведь все бы так просто...

Вера. Я тебя умоляю: живи. Ты живи, пожалуйста, обо мне не думай, живи. Живи, Митя. Где хочешь. Ты живи...

Он внимательно за нею наблюдает. Она то поднимает полные слез глаза, то

потупит... Наконец, он встает, твердым шагом направляется к аквариуму,
кормит золотых рыбок...

Порогин. Кстати, давай решим: хорошо бы нам освободиться... Хорошо бы раздать, что у нас есть.

Вера. Чего раздать?..

Порогин. Ну, книги, вещи... мебель... *(Поворачивается к ней.)* Дачу, квартиру.

Вера. А?.. *(Встает, будто поднятая неведомой силой, да так и застывает.)*

Порогин. Отдадим, говорю.

Вера. Кому?..

Порогин. Детям.

Вера. Каким детям?..

Порогин. Я решил в детский дом... В наш, Красносельский. Что с тобой?.. Где мы выросли. Это хорошо. Да и... сама говорила: недолго нам. Да и недолго... Так зачем нам? Лучше отдать. Самим, сейчас.

Вера. А, так ты решил?

Порогин. Да. Решил. Вот с тобой решил как раз... Все эти книги, картины, посуду, мебель... еще куда попадут, кому достанутся... Хорошо бы нам самим. Пока в силах. Вера...

Вера. А... А... А... А нам куда?..

Порогин. Мне ничего не надо. Может быть, в дом для стариков попрошусь. Говорят, их много понастроили. И говорят, там вполне... можно. Кормят, тепло. Буду писать. Может, еще успею.

Вера. А-а... А... А...

Порогин. Так разумно. Ни на что другое у меня времени не остается.

Вера. Это, Митя, тебя... кто так научил? Толстой?

Порогин. Зачем, Вера? Прошу...

Вера. Погоди – он? Я верно сказала: он?

Порогин. Ну что он тебе, не понимаю?!

Вера. Мне – ничего!.. Тебе!.. Тебе!.. У тебя своя голова на плечах имеется?!

Порогин. Вера...

Вера. Тебе 78 лет! Хотя немного своим умом жить можно?

Порогин. Вера, это в моем уме! Отдать, когда ты для этого созрел, – нормальный человеческий ход!

Вера. Нормальный? Добытое потом и кровью, всей жизнью – нормальный?

Порогин. Но с собой же туда не заберешь?

Вера. Не касается!.. Что мое – то мое, не касается!.. Пока я живая!.. А ты не лезь!.. Не лезь!.. *(Оседают, рукой – за сердце.)* О, Господи... Господи... за что мне все это?..

Он задумчиво на нее смотрит. Медленно приближается; стоит; садится.

Порогин. Конечно... можно и так: умрем, после нас кому-то достанется. Да дело не в вещах... Но ты подумай, не горячись, что предлагаю. Предлагаю почувствовать себя свободными. Нам с тобой это должно быть... легко. У Софьи Андреевны был аргумент: дети. Нам же с тобой... нам с тобой сейчас нужно... Время пришло, Вера, пойми, освободиться – от пустого, ненужного. Я понял, поверь: все, что не в нас, – только в тягость. *(Она молчит.)* Меня здесь не будет. Одна в этих залах... Ну к чему тебе квартира – 102 квадратных метра?

Вера. Иностранные делегации принимать буду.

Порогин. Ну, будет нам истязать друг друга. Для себя я решил и только хочу... чтобы услышала. Поняла. И сама, чтобы не томила, и меня не пытала. Вера, я здесь и с тобой жить больше не буду. Не буду. Понимаешь? Не буду.

Вера. Я не глухая, Митя. *(Поднимает глаза и спокойно, вдруг, ясно на него смотрит.)* Ты же скоро помрешь. Тогда они ко мне и придут. А я им все покажу. *(Он молчит.)* Скоро ведь, Митя? У тебя же пример. Ты – как он: он ушел – помер, и ты от него – все сделаешь – не отстанешь.

Порогин. Вера...

Вера. Только, Митя, он помер – весь мир узнал и заплакал, а ты помрешь – я одна...

Порогин. Как можешь, Вера? Горе, несчастье наше...

Вера. Я могу? Это он может!.. Это ему все дозволено!.. Жену, детей, дом – предал!

Порогин. А себя?

Вера. Но за то и получил!.. За то и получил!..

Порогин. А себя предавать изо дня в день? Себя – как?..

Вера. Сколько крови высосал, сколько крови...

Порогин. Ты ничего не поняла, ничего не поняла...

Вера. Выкинь эти глупости из головы! Пока не поздно – выкинь!..

Порогин. Глухая, упрямая, суетная...

Вера. Доживай, Митя! По доброму советую – доживай!

Порогин. Но ты же ничего не поняла! Он же ушел, потому что все понял! Что не надо цепляться!.. Что вся наша жизнь – стыд!.. Стыд, стыд!.. И что лучше умереть, чем так жить!.. *(Медленно вдруг оседает на пол.)* Понял, что лучше умереть...

Вера. Митя...

Порогин. Что стыдно...

Вера. Митенька...

Порогин. Стыдно... *(Видимо, силы его оставляют.)*

Часть третья

Старик в глубоком кресле. Пледом укутан – как спеленут. Глаза широко раскрыты, взгляд неподвижен. Светится аквариум. За окнами брезжит рассвет. Появляется старуха с подносом в руках.

Вера. Слава Богу, Митя... врачей отправила, еду тебе сделала, будем жить. *(Ставит поднос на стол.)* Тут тебе для поднятия сил, доктор сказал, яичко не сильно крутое хорошо. Ай, я молодец, и как это, сама не пойму, сообразила вчера, на рынок побежала и свежих выторговала... *(Оглядывается.)* Свежие... сам Бог, как говорится, послал... Митя... А?.. *(Пугается, приближается, вглядывается.)* Митя... *(Наклоняется, вслушивается.)* Митя... Господи... Напугал... Господи, показалось... *(Отступает.)* Уже всего боюсь, Господи... То вздрагиваю, то мерещится... *(Подносит ему чашку на блюде.)* Пока горячий, Митя, пей... любимый твой заварила, английский... Помнишь, в Лондоне покупали?.. На улице, как же ее... вот память дырявая. Булыжник восемьсот лет не меняли, а он все лежит. Узенькая такая улочка, руки расставить некуда. Ты еще смеялся, показывал англичанам, какой ты широкий русский, и ходил по ней боком. Отвори, Митя, губы, а то мимо пролью... Митя... А?.. *(Опять подносит чашку.)* Ну, Митя... ну, мимо же... *(Достает платок, промокает ему подбородок.)* Верно ведь, как на Украине говорят: старэ – как малэ... Слюнявчик на тебя, что ли?.. *(Оставляет чашку, берет за яйцо.)* А яичко, Митя, яичко... прямо такое розовое, прямо свежее-свежее, прямо как будто для тебя нарочно и несли. *(Подносит ложечку к его губам.)* От яичка-то, Митя, не отказывайся. Вкусное же. Мне глядеть на него – и то вкусно, слюнки так и текут... Митенька... Митя, родной... *(Удается-таки вкормить в него ложечку.)* Ой, хорошо, ой, умница мой... А доктор-то... Ну, давай, Митя, давай... Я говорю, Митя, доктор приезжал такой молодой, а такой уже толковый. Мигом, разом, скорехонько давление тебе сбил – я прямо... Мить, а желточек? Ты желточек такой когда-нибудь видел? Я не видела. Чтобы цвета такого... Одуванчик прямо. Давай, милый, давай... Поясницу мне ломит, Митя, долго я так с тобой не простою... Ой, спасибо тебе, спасибо... Вкусно?.. Да, так вот, а я у него, Митя, спрашиваю: а почему это вы, спрашиваю, такой с виду толковый, а на этой, на помощи... на «скорой» работаете?.. Митя, вкушай..Открывай, милый...Ну,пошире... Ну, так... А он, Митя, доктор-то, смеется и говорит... Говорит: а я, мамаша, медленно жить не умею... Что, Митя?.. *(Тревожно глядит на старика.)* Мне, говорит, надо куда-то мчаться, кого-то спасать... *(С трудом распрямляется.)* Спать хочешь?.. А может, Митя, в самом деле поспишь? А то мы с тобой, как молодые, ночи напролет...

Старик недвижим. Глаза широко открыты, по лицу текут слезы.

(Платком касается его лица.) Молодые мы... молодые... только ноги не

ходят... А душа болит... *(Направляется к окну, задергивает шторы, оглядывается.)* Как, Мить, получше?.. *(Подсыпает корму для золотых в аквариум.)* Вот кому хорошо, вот у кого аппетит... Слава тебе, Господи, все сыты, довольны... *(Переносит маленький стульчик, усаживается возле мужа, прижимается к укутанным ногам, баюкает.)* Баю-баюшки-баю, Мите песенку спою: Митю моего люблю, ни за что не погублю.. Баю-башки-баю, одного его люблю... *(Берет, вдруг, в ладони безжизненно повисшую руку и целует, целует.)*

Порогин. Не надо.

Вера. А, Митя?..

Порогин. Отпусти.

Вера. Митенька... Митя... *(Плачет, целует; плачет, целует.)* Митя... Митя...

Он молчит. И она постепенно стихает.

Порогин. Прости. Все не кончаются твои хлопоты со мной.

Вера. Митя, да полно, хлопоты... Ничего не желаешь, не просишь... Я бы с радостью, Митя, тебе ж ничего же не нужно.

Порогин. Старость.

Вера. А?.. Митя... Митя, ничего... И старые живут, Митя... Особенно на Кавказе, говорят. Говорят, конца не знают. Ну, если только под машину или под поезд... Митенька, главное, доктор сказал, в голову брать поменьше. И не волноваться... и не дергаться, Митя, и думать о том, что для жизни полезно.

Порогин. Для жизни мне сейчас полезна смерть.

Вера. Нет, Митя, нет... не думай, все будет хорошо, вот увидишь, я загадала, и поверила, и ты... Что сделать, милый, чтобы поверил? А? А?.. Митя, покой нужен. И тебе, и мне, и... всем. Все говорят, все хотят, мечтают, чтобы... покой был, покой... Хоть раз в жизни... *(молчат.)* Господи, Митя, а покой... он бывает?..

Порогин. В Польше, в сорок четвертом...

Вера. А, Митя?.. *(Он молчит.)* Что, Митенька?.. Сказал, там стряслось, в Польше-то?.. *(Он молчит.)* Что там у них стряслось, а?.. Я поляков люблю. Все говорят – польки красотки, за ними прямо охотятся, даже из Африки приезжают... А по мне, Митя, вот поверь мне, моему женскому вкусу: поляки, мужчины... Одного пана Ежи вспомни... *(Он молчит.)* Ах, какой Ежи был пан... Водку с ним пили, ты еще говорил: пан Ёжик – а он смеялся, икал, а я говорила: пан Ежинька – а он целовал мне ручку...

Порогин. Мы отлеживались на кладбище.

Вера. А, Митя? Что?..

Порогин. Нам было не вырваться, но и нас было не взять: мы отчаянно отстреливались.

Вера. Митя, о чем ты?..

Порогин. Я прятался за надгробной плитой, на которой было начертано: «Здесь покоится рожденный – чтобы умереть».

Вера. Умереть?.. *(Задирает голову, пытается заглянуть ему в глаза.)* Как-как ты сказал: умереть?.. Чтобы умереть, Митя?.. Рожденный?.. *(Он молчит.)* А мы с тобой, Митя... разве же мы с тобой... чтобы умереть?.. Вон сколько прожили...

Порогин. ...Странный, мучительный переход из небытия в небытие... Как понять? Смысл?..

Вера. А я не знаю, Митя... Честно – я не согласна. Я считаю: живи, пока живется, и радуйся, что живешь. И не думай. А то, Митя, и жить тяжело, а еще все время думать о таком об этом...

Порогин. Я пытался забыть о смерти.

Вера. И правильно, Митя, делал, правильно.

Порогин. Особенно после войны. Где ее было столько...

Вера. Господи, Митя, эта война, будь она проклята... Будь они прокляты, все эти войны...

Порогин. Свою смерть представлял...

Вера. Митя, прошу...

Порогин. ...Я представлял так: придет мое время – и это случится. И нормально. И ничего сверхъестественного. И, значит, можно не думать. *(Молчат.)* Вот оно пришло, мое время, а я не готов.

Вера. Митенька, Митя... столько на свете приятного... столько всего... Я тебя все прошу, чтобы было приятно – ты меня мраком томишь... Успеем, Митя, не торопись. Чего еще там будет? Тут хоть живешь – так все знаешь. Кое-чего понимаешь... И временами красиво и даже приятно бывает... Ну повсякому, конечно, и даже обидно, но потом... глядишь... и опять хорошо. И когда хорошо, про себя думаешь: вот жизнь... И руками тогда не развести – так, Митя, все это удивительно... *(Жметя к его ногам и шепчет.)* Вот только без тебя я жить не согласна. И все пускай будет, и будет хорошо, но, Митя... с тобой, Митя... с тобой...

Он молчит. А она все бормочет.

С тобой, Митя... Я хочу жить с тобой... Да, Митя... Митя мой... Митенька...

Тишина.

Порогин. Я обыкновенный человек. Я всегда работал. И я всегда любил свою работу. Старался не суетиться и жить по совести. Я почти не имею друзей. Или – сказать так: людей, мне остро необходимых. Но я никогда и никого не предавал. Это точно. Я всю жизнь был верен одной-единственной женщине – моей жене. Я люблю мою родину. С народом делил беду – какая была. А теперь я умираю. И не в силах понять: что же такое мучит

меня?..

Тишина.

Стыд... Когда-то я понял, что я не люблю. Но я не ушел. Я остался и лгал еще сорок лет. Себе, людям, тебе... Мне стыдно. Мне стыдно, что я написал двадцать книг. Я ни в чем – почти – не уверен определенно: Что такое любовь? Что творчество? Что наши стремления? Что наша жизнь?..

Вера... ты ругала меня, когда я оставил кафедру, учеников... Но ты пойми: я пришел в мир с вопросами – все мои вопросы при мне. Чему же мне учить?..

Вера... словам научились все, и словам же никто не верит. И слова не имеют смысла до тех пор, пока...

Вера... Толстой ушел, когда понял, что все написал. Дальше ему писать... наверное, было о чем, но было уже невозможно. Это был не уход – восхождение. Мне кажется, иногда я вижу на небе его следы.

Вера... меня мучит мысль... если я не совершу поступок... ни для кого, для самого же себя... все мои прекрасные слова, намерения, с которыми я пришел в мир, судьба... рассыплются в прах еще при мне... При мне... Надо уходить... *(Слабо пытается встать.)* Я должен уйти...

Старуха с застывшей улыбкой на лице мертвой хваткой держит его за ноги. Он же силится вырваться, дергается, распаляется и кричит.

Должен уйти, отпусти... Пожалуйста, отпусти... Ну, отпусти же меня, ну, надо!.. Ну, прошу, ну, прошу, отпусти! *(Выдирается, торопится к окну, раздергивает шторы – тут же зажмуривается, отворачивается, прикрывается.)*

Свет в аквариуме блекнет... Порогин вдруг замечает умершую. Долго стоит, кажется, не понимает, что произошло... Наконец, медленно приближается, опускается на колени, удивленно повторяет ее имя.

Вера... Вера... Вера...

1986.